

М.А. Мацук

**ПИТИРИМ, ЕПИСКОП ПЕРМСКИЙ (УСТЬ-ВЫМСКИЙ):
история жизни и трудов.**

Реконструкция и благодарное слово в память его

Предисловие

Четырнадцатый и пятнадцатый века в истории Северной Руси остались, во-первых, как время жестокое и кровавое. Постоянная борьба князей за первенство под пятой золотоордынского хана приводило к тому, что кровь человеческая лилась, как вода. Пресмыкательство перед хозяевами жизни, подлость, грубая сила в отношении более слабых, – основные политические приоритеты большей части русских князей того времени. Во-вторых, указанное время – время необычайного взлета поисков святости в русском обществе. Это время массового ухода наиболее активных людей в монахи и ухода монахов в пустынные места в поисках наиболее оптимальных условий для спасения души. Это время основания главных монастырей России, слава которых достигла и до наших дней. Митрополит Алексей, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний Сийский и многие другие основатели монастырей прославлены Богом чудотворениями. Это время расширения православного пространства Северной России на нерусские народы. Навсегда в историю вошел святитель Стефан Пермский, приведший ко Христу большую часть древних коми.

В это благодатное и страшное время прошла жизнь человека, описанию части трудов которого посвящена моя книга – епископа Пермского Питирима. Мы очень мало знаем о нем, как и о других епископах, возглавлявших Пермскую епархию после смерти Стефана Пермского. О некоторых из них сохранилось лишь одно – два свидетельства русских летописей.

Книга о жизни и трудах святителя Питирима, епископа Пермского (Усть-Вымского), которую вы начинаете читать, не является строгим научным исследованием. Для научного исследования недоставало данных. Приходилось много чего реконструировать. И все равно не получалось цельной картины. Поэтому я прибег к приему сочетания сугубо научной работы с художественной работой. В книге есть авторский вымысел. Однако надеюсь, что этот вымысел не исказил достоверности.

Для того чтобы читатель мог убедиться в этом, я, по примеру историков XIX – начала XX века, привожу выдержки из летописей, на которые и опирался во время работы.

И самое главное. **Я не мог бы создать этой работы без Божией помощи и без содействия самого святителя Питирима.** Проще говоря, моя задача сводилась главным образом к фиксации мыслей, повествующих о жизни епископа Питирима и к уточнению некоторых моментов в русских летописях – главном источнике русской истории пятнадцатого века.

Михаил Мацук, доктор исторических наук

Архимандрит Питирим проснулся посреди ночи. Непонятный и тревожный сон приснился ему. Во сне он очутился в глубине мрачного леса, на берегу большой реки. Вдали, через пелену тумана пробивался тусклый свет. Он пошел на свет и вышел на поляну. Большая поляна была полна народа, который смотрел на него и протягивал к нему руки с мольбой. Питирим не понял ни одного слова из сказанных ему странными людьми, но в его сердце вошла жалость к ним. К этим людям, одетым в одежды из кожи, стоявшим возле маленькой деревянной церкви, что-то говорившим ему, вернее, о чем-то просившим его. Причем, если люди стояли на земле, то храм как бы парил в воздухе, не касаясь земли, как облако тумана, которое в любую минуту могло рассеяться.

Архимандрит встал на молитву и молился долго, прося Господа Иисуса Христа растолковать ему это видение. Вдруг невыразимая тяжесть навалилась на него. Он не мог противиться сну и погрузился в сон, стоя на коленях перед образом Спасителя. Во сне некий святой муж, осиянный светом, обратился к Питириму, сказав ему: «Помоги им. Господь будет с тобой. Если не поможешь, не будет у них храма». Тут же Питирим пробудился ото сна. Но так и не понял, о ком конкретно шла речь. Архимандрит обратился к Господу со словами Пресвятой Богородицы: «Я раб Твой. Да будет мне по слову Твоему». После этого он совершенно успокоился. Надо было опять погружаться в каждодневную жизнь, жизнь настоятеля элитного монастыря, духовника великокняжеской семьи, ученого и политика. Накануне он закончил работу над житием святителя Московского Алексия и намеревался приступить к написанию службы святителю.

Через короткое время в его келью постучали и его келейник, монах Иона, войдя, доложил, что великий князь Московский Василий Васильевич после Литургии приглашает его к себе. Это было обычное приглашение, почти ежедневно звучавшее в течение уже нескольких лет, с тех пор, как Питирим стал архимандритом Чудова монастыря.

Монастырь, основанный в Московском Кремле святителем Алексием в 1365 году, был посвящен Архистратигу Михаилу и совершенному им чуду в греческом городе Хонех «Колоссах». В этом монастыре перед смертью постригались в монашество члены семьи великих князей и знатнейших боярских родов, в нем совершались крещения младенцев мужского пола, происходивших из княжеских и боярских семей. Братия монастыря состояла в родственных связях со всеми наиболее родовитыми боярскими московскими и удельно-княжескими семьями ближнего Подмосковья. Сам архимандрит Питирим происходил из знатного боярского рода. С раннего возраста он привык быть на виду, решать проблемы государственной важности. Он прекрасно осознавал свое положение, положение фактически второго человека Московской* митрополии Православной Церкви. А в некоторых случаях его мнение, его совет были более весомыми для великого князя, чем совет митрополита.

После Литургии, на которой обязательно присутствовали великий князь с семьей и родней, Питирим причастил и благословил Василия Васильевича и его родных и близких. Великий князь еще раз напомнил архимандриту о своем приглашении его. После небольшого отдыха архимандрит Питирим отправился в

покои великого князя. Он перешел через небольшой двор и, поднявшись по небольшой лестнице, вошел в личные покои великого князя Московского. Василий Васильевич встретил его стоя, еще раз подошел под благословение и пригласил архимандрита пройти и присесть на лавку, покрытую медвежьей шкурой. Питирим прошел и присел на голую лавку, отвернув шкуру.

Василий Васильевич рассказал архимандриту о том, как он спал, о чем думал, и попросил совета в сложном деле, связанном с продолжавшейся уже несколько лет войной со своими ближайшими родственниками за великокняжеский престол.

Великая смута была в то время в Московском великом княжестве.

Все началось с того, что, после смерти старшего сына Московского великого князя Дмитрия Донского Василия, его брат Юрий, по словам историка В.О. Ключевского, «опираясь на свое старшинство и ссылаясь на духовную своего отца, Дмитрия Донского, не хотел признать старшим десятилетнего племянника и в 1431 г. поехал в Орду тягаться с ним. Успех Юрьева притязания перенес бы великое княжение в другую линию московского княжеского дома, расстроил бы порядки, заводившиеся Москвой целое столетие, и грозил бесконечной усобицей. Хан рассек узел: отуманенный льстиво-насмешливой речью ловкого московского боярина Всевожского, доказывавшего, что источник права – его ханская милость, а не старые летописцы и не мертвые грамоты (т.е. духовная Донского), хан решил дело в пользу Василия». Много зла приключилось на Московской Руси от этого хитрого хода московского боярства, боровшегося (в лице боярина Всевожского) исключительно за сохранение своих привилегий и доходов. Князя – ближайшие родственники, доходили до массового кровопролития, вероломных захватов и ослепления противников. Не избег этой участи и сам Василий Васильевич, захваченный в плен его родственником Дмитрием Юрьевичем Шемякой и ослепленный им в 1446 году.

Однако вернемся к описанию встречи великого князя Василия Васильевича Московского и архимандрита Чудова монастыря Питирима. На вопрос великого князя о продолжающейся смуте Питирим ответил, что надлежит к врагам проявлять больше милости, ибо это путь к прекращению кровавой вакханалии в княжестве. Ответ архимандрита не понравился великому князю. Он ожидал услышать от авторитетного деятеля Церкви о безусловной поддержке всех его действий, даже вероломных, жестоких и кровавых. Поэтому Василий Васильевич прервал разговор и отпустил архимандрита.

Питирим встал и пошел к выходу из покоев великого князя. Вдруг Василий Васильевич окликнул его: «Отче! Почему ты мне не кланяешься, когдаходишь ко мне и выходишь от меня?» - спросил он. Архимандрит Питирим ответил: «Написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» и вышел из комнаты.

* Формально митрополия именовалась Киевской митрополией Константинопольского патриархата. Однако митрополит проживал в городе Владимир, а с первой четверти четырнадцатого века – в Москве, куда перенес митрополит Петр свою кафедру. Поэтому я и назвал эту митрополию «Московской».

Великий князь недовольно повел плечами. Он уже привык к раболепству своих ближайших подданных, в том числе и епископов и настоятелей монастырей. Все ожидали от него милостей и даров, освобождения от налогов и пошлин. Все смотрели на него, как на кого-то великого. Лишь один архимандрит Питирим относился к нему не без почтения (Питирим хорошо знал возможности великого князя как государя Московского), но, главное, без заискиваний, без явно демонстрируемого желания услужить великому князю. Василий Васильевич знал, что архимандрит Питирим не нуждается в каких-либо дарах, льготах и освобождениях от пошлин. Чудов монастырь – такой монастырь, что все князья и бояре московские заваливали его казну деньгами и другими вкладами. Знал Василий Васильевич и то, что наказать Питирима он, конечно, мог. Но простит ли ему это московское боярство? Не отвернется ли оно от него в самый трудный для Василия Васильевича час?

- Выйди – обратился он к человеку, находившемуся в его комнате за занавеской и слышавшему его с Питиримом разговор. Боярин Никита, ближний советник Василия Васильевича, вышел из-за занавески.

- Что скажешь?

- Государь! Архимандрита надо наказать. Много воли почувствовал. Надо поставить его на место. Лучше бы, конечно отправить его в поруб (тюрьму) в какой-либо дальний монастырек. Но, сам знаешь, такой вой поднимут его родственники и почитатели. Большой любовью у москвичей пользуется архимандрит за свою подвижническую жизнь и большой талант. Ведь он закончил свой труд по написанию жития святителя Алексия, митрополита Московского.

- Да! А мне он это не говорил.

- Не успел еще сказать. Чернила еще на бумаге не успели просохнуть, а я уже все разведal.

- Ты у меня молодец.

- Уповая на твои милости и щедроты, и далее буду усердно служить тебе, великий государь, - произнес ловкий боярин.

Великий князь не унимался.

- Найди мне повод для высылки его из Москвы. Накладываю на него тайную опалу. Осторожно намекни московским боярам, чтобы отходили от него.

- Так и сделаю, великий государь.

Прошло несколько дней после злополучной встречи, и архимандрит Питирим почувствовал, что отношение к нему стало изменяться. Великий князь перестал звать его к себе. Некоторые влиятельные московские бояре сами не приехали поздравить его с праздником Вознесения Господня, а только прислали своих приближенных с дарами монастырю. Питирим понял, что великий князь наложил на него тайную опалу. Архимандрит знал, что никакие его действия и ходатайства его родственников и знакомых не помогут, пока сам великий князь не решит снять с

него это наказание. Поэтому он продолжал выполнять свои обязанности и спокойно ждал продолжения событий.

Развязка наступила довольно быстро, уже через несколько месяцев.

Через две недели после празднования Сретения Господня в покои великого князя Василия Васильевича вбежал боярин Никита.

- Государь! Беда!

Василий Васильевич обмер от страха и произнес тихим голосом: «Говори».

- Убит епископ Пермский Герасим.

Великий князь с облегчением выдохнул.

- Я думал Шемяка подошел к Москве или татары у наших ворот.

Потом, опомнившись, сказал:

- Как все случилось?

Никита отвечал:

- Говорят разное. Одни говорят, что епископ поехал обзирать ближайшие к его епархиальному городку церкви и во время поездки его задушил омофором вогулич, которого Владыка предполагал обучить и поставить попом. Другие говорят, будто произошла ссора между епископом Герасимом и земскими подьяками из-за работ на владычном городке и из-за спора об угодьях рыболовных. Во время этой ссоры Владыка и был убит.

- Государь! Назначить ли расследование? Послать ли отряд воинских людей на вогулов?

- Нет. Ничего не надо, - ответил великий князь.

- Слушай, Никита!

- Слушаю, государь.

- Далеко ли эта Пермская епархия от Москвы отстоит?

- Ой, далеко. Дальше Устюга Великого.

- А богата ли епархия?

- Весьма бедна, государь. Два года назад, когда ты созывал собор своих епископов для осуждения владыки Исидора, там был и епископ Герасим, ныне покойный. Он бил мне челом о милостыни для его епархии. Я беседовал с ним. Владыка Герасим мне рассказал, что в епархии прихожане все пермяне, почти все непашенные. Живут от леса и воды грибами, дичью, рыбой. Церковок с пятнадцать во всей епархии. Епархия со времен первого епископа Пермского Стефана живет подаванием Москвы. Ежегодно туда отправляем муку, вино, другие припасы для богослужений и жизни епископа и клириков. При епископе Исаакии попы начали пахать на себя малые полянки, чтобы было чем питаться. Сейчас пашня умножилась, но все равно очень мала.

- А много ли народа прихожан?

- Меньше чем в одной Москве.

- А кто же их защищает?

- Твой дед, блаженной памяти Дмитрий Иванович Донской повелел наместнику Устюжскому беречь Пермскую епархию. Чуть что, устюжский полк идет на выручку епархии.

- А какой доход идет в мою казну с Перми?

- Никакого дохода нет. Твой дед по просьбе епископа Стефана выдал обельную жалованную грамоту. С пермян никакая дань не берется. Да и что возьмешь. Владыка Герасим говорил, что за требы пермяне дают клирикам рыбу, и очень редко одну – две шкурки белки. Десятильники епископскую дань с церковью тоже собирают в основном рыбой.

- Не гоже епархии Пермской пустовать. Давай поставим на нее нашего архимандрита Питирима. Пусть епископом станет. Позови ко мне наместника митрополита.

- Зову, государь.

Никита низко поклонился великому князю и, хихикая, побежал на митрополичий двор.

Надо отметить, что в это время митрополита на Москве не было вовсе. Митрополит Исидор, принявший Флорентийскую унию еще в 1441 году, решением великого князя Василия Васильевича был отстранен от Русской митрополии, несколько месяцев провел в заточении в тюрьме Чудова монастыря, бежал через Тверь и Киев в Рим. Но формально он оставался митрополитом Киевским и всея Руси. Митрополит Иона был поставлен на кафедру собором епископов северо-восточной Руси лишь в 1448 году. Однако канцелярия (выражаясь современным языком) митрополита, возглавляемая епископом Рязанским Ионой, работала. И ей было дано задание собрать собор архиереев, на котором осуществить хиротонию архимандрита Питирима в сан епископа Пермского на место покойного епископа Герасима.

Архимандриту Питириму лишь после празднования Троицы (Пятидесятницы) боярин Никита принес весть о великой милости великого князя Василия Васильевича – о поставлении его епископом Пермской епархии. Архимандрит Питирим просил боярина Никиту благодарить великого князя за проявленную милость. Сам же собрал родственников и друзей и объявил им новость. Все поняли – это почетная ссылка, которая хуже опалы, потому что выводила Питирима из среды московской элиты, хотя и делала его князем Церкви.

И опять, отпустив родственников и друзей, в молитве к Господу Питирим произнес: «Да будет на все святая воля Твоя. Я раб Твой».

Немного успокоившись, Питирим стал готовиться к важным переменам в своей жизни. В первую очередь он решил хотя бы немного узнать о том далеком крае, где ему надлежало прожить остаток земной жизни, возглавляя Пермскую епархию. Начитанный и весьма умный инок Вавила посоветовал Питириму прочитать похвальное слово Стефану, епископу Пермскому монаха Троице-Сергиева монастыря Епифания Премудрого. Список с этой книги был в библиотеке Чудова монастыря. Питирим с большим вниманием прочитал книгу и понял, что ему предстоят большие труды только для того, чтобы адаптироваться в среде паствы Пермской епархии. Он запросил список с пермской азбуки, составленной Стефаном, но в Москве этот труд в библиотеках монастырей не был представлен. Все надо было познавать непосредственно на месте будущего служения.

Глава 3. Епископ. Первые шаги. Путешествие в Пермскую епархию.

Хиротония архимандрита Питирима во епископа Пермского состоялась через три с лишним месяца после оглашения решения великого князя Василия Васильевича на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Собор архиереев, возглавляемый рязанским епископом Ионой, рукоположил архимандрита Питирима в сан епископа. Некоторые присутствовавшие на службе принялись поздравлять Питирима, однако большинство сочувствовало ему, понимая истинную суть изменения жизни любимого многими знатными москвичами бывшего архимандрита.

Великий князь прислал к Питириму боярина Никиту, который передал ему просьбу Василия Васильевича молиться о нем и его семье. Питирим поблагодарил великого князя за милости и обещал непрестанно молиться за него и его родных и близких. Никита, также передал пожелание великого князя Московского, чтобы Питирим выехал из Москвы к месту службы как можно скорее – через месяц – два, и чтобы вел себя тихо и не возбуждал против великого князя своих родственников и почитателей. На это Питирим ответил, что все сделает так, как желает великий князь.

На другой день после хиротонии епископ Питирим послал в Пермскую епархию указ, извещающий священников епархии о поставлении его во епископа Пермского и о поминании его имени, как правящего архиерея, за богослужениями. Указ во владычный городок Усть-Вымь повез инок Василий. Ему владыка Питирим поручил все досконально осмотреть и, выехав навстречу Питириму, доложить епископу о состоянии дел в епархии. Инок Василий, бывший воинский человек, через две недели уже приехал в Усть-Вымь, где встретился с помощником епископа Герасима, иноком Иоанном, старшим попом (десятильником) Герасимом и другими священнослужителями и монахами Михайло-Архангельского Усть-Вымского монастыря. Василий обнадежил всех, что епископ Питирим будет всех жаловать, как их жаловал прежний епископ Герасим.

Через два месяца, сразу после праздника Богоявления, епископ Пермский Питирим выехал из Москвы. Саный поезд, состоявший из возка Владыки, нескольких возков, в которых ехали монахи, пожелавшие отправиться в Пермскую землю вместе с епископом, десятка саней с необходимой поклажей и снедью, сопровождаемый двумя десятками конных воинских людей, не спеша поехал на север. Миновали Ярославль, Вологду. Везде епископа Питирима встречали колокольным звоном, везде он совершал богослужения.

Чем дальше отъезжал епископ Питирим от родной Москвы, тем тревожнее становилось у него на душе. Этому способствовала и природа. Лес становился все темнее, все гуще. Иногда казалось, что санная дорога, проложенная по льду рек, будет сжата сплошной стеной мрачного елового леса до узкой тропинки. Помогала только постоянная молитва. Да келейник инок Иона приводил в умиление постоянно произносимыми восторженными возгласами: «Вот настоящая пустыня! Вот где место спасения!».

Через месяц с небольшим прибыли в город Великий Устюг. В Великом Устюге воевода отвел ему половину своего большого дома и радушно выполнял все пожелания епископа и его подчиненных. Тут московский конвой передал дело охраны епископа Питирима устюжским воинским людям и отбыл в Москву.

Две недели жил в Великом Устюге епископ Питирим, отдыхая от длительного путешествия, стараясь узнать как можно больше о пермяках, о епархии Пермской, о взаимоотношениях устюжан и его будущей паствы.

Многие устюжане были приняты епископом Питиримом и их рассказы весьма расширили представление Питирима о том, с чем ему придется столкнуться на месте его будущего обитания.

Епископ Питирим по приезде в Устюг Великий был встречен его посланником иноком Василием и сразу отправил его обратно в Усть-Вымь с указанием представителям духовенства епархии ехать к нему на встречу. Через неделю после приезда Питирима в Великий Устюг к нему приехали представители духовенства Пермской епархии и знатные люди Пермской земли. Возглавляли делегацию десятильник Герасим, игумен Михайло-Архангельского монастыря Михаил и сотник Вычегодской земли Ефим Эжвин.

Приехавшие представились владыке Питириму, преподнесли ему в дар меха соболей и рыбу семгу, нельму и щуку. Владыка одарил каждого из них иконами.

Члены делегации познакомились с его помощниками, и все остались довольны первой встречей.

Приближался праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, который Питирим непременно хотел праздновать в Усть-Выми, поэтому он предложил приехавшим два-три дня отдохнуть, сделать в Устюге, крупнейшем торговом центре Европейского Севера, все необходимые им дела и отправиться в Пермскую епархию, во владычный городок Усть-Вымь.

Глава 4. На новом месте. Начало епископского служения. 1444 – 1445 годы

Епископ Питирим не зря торопил свою свиту к отъезду из Устюга Великого. Путь до Усть-Вымского городка оказался долгим. В первом же селении, стоявшем на пути поезда епископа, как и в каждом последующем, даже там, где не было церквей, его встречали все от младенцев до глубоких старцев. Питирима поразила детская простота пермян. Епископ понял, что они видят в нем не столько князя Церкви, сколько своего отца и защитника. Все пермяне старались прикоснуться к епископу, выражая, вероятно, тем свое глубочайшее почтение к нему. Воинские люди с трудом сдерживали наиболее ретивых, которые на коленях подползали к епископу, протягивая к нему свои руки.

И Питирим вспомнил свой сон, он увидел в этих, одетых в кожаные одежды, людях свою паству, своих духовных детей. Но он ничего не понял из того, что они говорили. Поэтому первой задачей, которую поставил перед собой епископ Питирим, было освоение языка пермян.

Епископ Питирим пригласил в свой возок десятильника Герасима, игумена Михаила и Ефима Эжвина и просил их учить его пермскому языку. Способность к науке сказалась в том, что уже к концу первого дня занятий он мог немного понимать пермян и говорить им несколько приветственных и благословляющих фраз. К концу его пути в Усть-Вымь, через две недели после выезда епископа из Великого Устюга, Питирим уже довольно бегло мог говорить на языке пермян.

Останавливались в каждом селении, стоявшем на пути. Несколько раз епископ Питирим приказывал свернуть с большого пути и заехать в селения недалеко отстоявшие от него. Епископ хотел сам увидеть – как живут люди в его епархии, узнать – в чем они нуждаются более всего. Основная часть санного поезда владыки, с припасами, храмовыми иконами, богослужебной утварью и книгами, сразу после въезда его в границы епархии, была отправлена в Усть-Вымь. Однако епископ Питирим с собой оставил нательные крестики, шнурки к ним, просфоры и небольшие иконы, которые он раздавал всем людям, приходившим на встречу с ним. Просфоры должны были быстро закончиться, потому что люди в каждом селении охотнее всего брали именно их. Ведь нательные крестики были уже у всех крещенных. Питирим просил Господа помочь ему. И Господь явил свое чудо. На третий день после въезда епископа в Пермскую епархию их догнал небольшой обоз, на четыре подводы, из Великого Устюга. Возницы, поклонившись епископу Питириму, сказали ему, что по поручению соборного протопопа Владимира, клир всех храмов Великого Устюга приготовил столько небольших просфор, сколько смог. Эти просфоры были собраны и с молитвой отправлены епископу Питириму. Ехавшие с епископом и знавшие о его просьбах к Господу, были поражены совершившимся чудом. Епископ воздал хвалу Богу за это чудо, просил передать свое архиерейское благословение и благодарность всем клирикам и мирянам Великого Устюга и, отпустил посланцев, вручив им от себя иконы с образами Спасителя и Пречистой Девы Марии.

Остановился на два дня епископ в резиденции сотника Вычегодского Ефима Эжвина в городке Еренском. Здесь владыка Питирим служил Божественную Литургию и литию в память монахов Михайло-Архангельского Еренского монастыря, убитых пермянами-язычниками, пришедшими набегом с Удоры во времена епископа Стефана Пермского. Литургия и лития были отслужены им частью на церковно-словенском языке, а частью на пермском языке. После службы, за трапезой, Ефим Эжвин и поп Спасской Преображенской церкви Василий рассказали епископу, что на Удоре до сих пор живут пермяне, являющиеся язычниками. Но они часто приезжают в Еренский городок для торговли и всегда приходят в церкви. Стоят во время богослужения чинно, тихо, внимательно слушая слова молитвы, произносимые клириками на пермском языке.

Заехав на один день в епархиальную Вожемскую вотчину, и приняв рапорт сына боярского Николая, руководившего этой вотчиной, епископ Питирим отбыл далее. Через две недели, в канун праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, путешествие епископа Питирима подошло к концу. Он прибыл в свой кафедральный Усть-Вымский городок.

Чреда служб и праздничных, и великопостных, и опять праздничных, Пасхальных, отодвинула повседневные заботы. На пасхальном приеме у владыки, продолжавшемся всю Светлую седмицу, побывали все священники епархии, а также наиболее влиятельные и уважаемые миряне – сотники Ефим Эжвин (Вычегодский), Иван Вымский, Афанасий Сысольский, Кирилл Ужгинский; а также несколько человек торговых людей.

Владыка Питирим узнал, что его предшественники, епископы Пермские Стефан, Исаакий и Герасим часто посещали храмы своей епархии, регулярно

объезжая ее. Епископ Питирим обещал священникам не нарушать заведенного обычая.

Кроме того, перед ним стояла задача продолжать изучение языка пермян и осваивать тексты богослужений на пермском языке.

За выполнением этих задач прошли вторая половина 1444 года и весь 1445 год. К концу 1445 года епископ Питирим побывал во всех храмах своей епархии. И каждый храм от него получил или иконы, или богослужебные книги, или новые ризы для клириков. Иконописцы, ювелиры, переписчики книг и переплетчики, швеи и вышивальщицы из Москвы, Владимира, Суздаля, Великого Устюга, Вологды получили от епископа Питирима заказы. Его родственники и друзья оплачивали мастерам их работу.

Владыка Питирим продолжил дело обучения детей пермян в епархиальной школе. Он сам время от времени проводил беседы с учениками, обучая их.

Епископ Питирим обратил внимание на то, что при постоянной военной опасности для Усть-Выми со стороны вогулов-язычников укрепления его кафедрального городка были ветхими и в ряде мест отсутствовали вовсе. По его приказу была восстановлена и достроена крепостная стена вокруг владычного городка, были построены две сторожевые башни. В скором будущем все это сыграло свою роль в отражении военной опасности от людей гораздо более искусственных в воинском деле, чем вогулы.

Глава 5. Удора. 1445 год.

Через две недели после зимнего Никола в Усть-Вымь к епископу Питириму приехал поп Спасского Преображенского Еренского храма Василий. Владыка встретил его приветливо, расспросил о здоровье, о семье, пригласил разделить с ним постную трапезу.

После трапезы Василий поблагодарил владыку за заботу о нем и его семье и в конце сказал:

- Я прибыл к тебе, владыка, чтобы предупредить. К нам перед Николиным днем приехали несколько торговых людей с Удоры. С ними приехал богатырского и звероподобного вида пермянин, которого они называют Юш-Морт.

- То есть, медведь-человек, - произнес епископ Питирим.

- Так и есть, владыка. Силы этот человек необычайной, роста великого. В основном молчит, для чего приехал – не говорит. Я советовал Ефиму Эжвину посадить этого Юш-Морта в поруб и под пыткой выведать у него цели его приезда. Ефим не согласился. Сказал, что не за что сажать гостя в поруб.

- Для чего ты это мне рассказываешь? – спросил Питирим попа Василия.

- Владыка. Удорицы просят Ефима Эжвина, чтобы он отвез их к тебе в твой владычный городок.

- Ну что ж. Пускай приезжают, - ответил епископ.

- А если они учинят что-либо худое?

- Разве ты забыл, Василий, что без воли Божией с нас и волос не упадет, - сказал Питирим.

- Вместе с Ефимом и ты приезжай с удоричами.

Василий поклонился епископу и поехал в Еренской городок.

За два дня до Рождества Христова перед воротами владычного городка Усть-Выми остановился санный поезд. Из него вышли Ефим Эжвин, поп Василий, три человека воинских людей, подчиненных Эжвину и четверо посторонних людей. Они были одеты в кожаные одежды с нашитыми на них лоскутками цветных тканей. Один из незнакомцев был поистине великан и богатырь. Он возвышался над остальными. Он был на две головы выше даже Ефима Эжвина, весьма сильного человека.

Владыка приказал открыть ворота и впустить санный поезд во владычный город. Санный поезд въехал, а люди вошли в крепость. Удорици с удивлением разглядывали и саму крепость с внутренней ее стороны, и высокие храмы, и терем епископа.

Когда владыка Питирим спустился к ним по лестнице со второго этажа, произошло непредвиденное. Великан упал перед епископом на колени и, протягивая к нему руки, страшным громовым голосом, но очень жалобно, произнес несколько слов. Ефим Эжвин перевел речь великана с удорского диалекта на пермский вычегодский.

Ош-Морт произнес:

- Это он! Это тот, который сокрушит наших богов! Это слугитель самого сильного Бога! Не убивай нас! Пощади!

Другие удорици также упали на колени перед епископом Питиримом, восклицая:

- Не убивай нас! Пощади!

Епископ подошел к великану, протянул ему руку и поднял его.

- Встаньте! Вы мои гости! Я рад вам, - произнес Питирим по-пермски.

Он распорядился поселить удоричей в дом при Михайло-Архангельском монастыре и накормить их. Потом поздоровался с приехавшими Ефимом Эжвиным, попом Василием и их свитой. Всем преподал архипастырское благословение и просил отдохнуть с дороги.

Вечером все приехавшие были приглашены на трапезу к епископу Питириму. За трапезой владыка спросил Ош-Морта:

- Почему ты так обратился ко мне.

Ош-Морт ответил:

- Когда я был на камлании у наших богов, тогда я видел видение. Ты пришел к нам и сокрушил всех идолов. Я думал, что тебя сожжет огонь, вышедший из подземного мира, или тебя разорвет медведь, или затопчет лось, ведь они наши дальние предки. Но с тобой ничего не случилось. Но когда Ъджыд Йэра (Большой Лось), наш великий шаман, хотел препятствовать тебе, то не смог даже поднять руки. Великая сила, исходящая от тебя придавила его к земле. Я в ярости хотел разорвать тебя руками, но вдруг какой-то светлый человек с крыльями за плечами, поднял меня на воздух, покрутил над собой и бросил на землю. Я не мог двинуть даже пальцем. Лежал как мертвый. Но ты подошел ко мне, поднял меня за руку, как легкую пушинку и поставил на ноги. Ты сказал: Иди к самому сильному, единственному Богу, и служи ему. Я ответил: Пощади и я все сделаю, как ты скажешь. После этого мое видение прошло. Я рассказал о нем всем, бывшим на камлании. Ъджыд Йэра пришел в ярость, сказал, что я недостойн своего имени и

что я должен убить любого, кто придет к нам, рассказывать о чужих богах. Прошло уже почти два года после этого видения, и вот я увидел тебя и очень испугался.

Питирим ободрил великана и пригласил его и бывших с ним на Божественную службу, посвященную празднованию Рождества Христова.

Те охотно согласились и пришли на праздничное богослужение. Одни с благоговением стояли на службе и слушали ее, другие переглядывались, время от времени озирались по сторонам, но не мешали ни служащим, ни присутствовавшим прихожанам. Ош-Морт стоял, как вкопанный, не шелохнувшись всю службу. Время от времени Питирим смотрел на него и видел, что тому очень трудно было находиться на службе, слушать о родившемся Богомладенце, так как в его душе шла ожесточенная борьба.

На другой день после Рождества удоричи уехали.

Питирим пригласил к себе сотников пермских Ефима Эжвина и Ивана Вымского, а также десятильника Герасима и игумена Михаила и спросил их:

- Почему пермяне удорские до сих пор не просвещены Светом Христовым?

Отвечая ото всех, игумен Михаил, самый старший из них, сказал:

- Владыка. Церковное и народное предания говорят, что когда Апостол пермян Стефан проповедовал им Евангелие, тогда была у него немалая борьба с языческими старейшинами. Тогда некоторые пермяне, которые не могли вместить в себя проповедь об Иисусе Христе, Господе нашем, ушли к вогулам на Печору и верховья Вычегды, а некоторые с Выми ушли на Удору, на пустые места по рекам Вашка и Мезень. И те, и другие нападали потом на просвещенных своих братьев и убили многих из них. Удоричи до сих пор противятся проповеди Евангелия. Некоторые из наших братьев шли на этот подвиг к ним и пропадали бесследно, не возвращались, и никаких вестей от них не было.

Ефим Эжвин, Иван Вымский и десятильник Герасим подтвердили слова игумена Михаила.

Епископ Питирим поблагодарил всех присутствовавших и отпустил их отдыхать. Вечером, стоя на молитве, он просил Господа открыть ему, что дальше ему делать, так как в душе его возникло сильное желание идти на проповедь христианства к удоричам. И опять, как в Москве, было ему видение – светлый муж явился ему и сказал: «Помоги им. Господь будет с тобою». Утром владыка Питирим объявил своим приближенным:

- С началом лета, после праздника Живоначальной Троицы отправимся на Удору на проповедь Евангелия.

Прошло несколько месяцев в постоянной работе по управлению епархией. Работа перемежалась с праздниками Крещения Господня, Благовещения Пресвятой Богородицы, Пасхи Христовой, Вознесения Христова и Живоначальной Троицы. Владыка Питирим служил и работал изо всех сил, как в последний раз. Он еще раз объехал все приходы своей епархии, всем преподал архиерейское благословение. Сам он причащался почти каждый день и исповедовался раз в неделю. Последние дни перед поездкой на Удору владыка Питирим провел в строгом посте и постоянной молитве. Он понимал, что эта поездка может быть смертельно опасной и для него и для его спутников, которых он хотел взять с собой.

О его планах посетить Удору с проповеднической миссией стало известно в Великом Устюге. После праздника Вознесения Господня к владыке Питириму в Усть-Вымский городок прибыл отряд из ста воинских людей. Командующий отрядом сказал, что воевода послал их охранять владыку во время его удорского похода. Однако епископ Питирим ответил:

- Разве Святых Апостолов сопровождали воины? Разве можно силой заставить признать Бога, который есть Любовь?

Он, с благодарностью за заботу о нем отослал воинский отряд обратно в Устюг.

Из Усть-Выми выехали вместе с епископом Питиримом десять человек попов и монахов. На Выми к ним присоединился проводник, знавший дорогу на Удору. Поехали верхом на лошадях, потому что тележной дороги на Удору не было. На лошадях в торбах были богослужебные книги, иконы, сосуды, ризы.

С Выми повернули на северо-запад и поехали по узкой лесной тропинке. Через два дня проводник просил владыку оповестить всех спутников, чтобы ехали с осторожностью, потому что началась территория Удоры. Вдруг инок Иона, келейник епископа Питирима, ехавший впереди, вскрикнул громким голосом:

- Господи! Помилуй!

Все устремились к нему. Инок Иона, спешившись с коня, стоял на коленях перед странным сооружением. Это была большая клетка, в которой находился согнутый скелет. Клетка была подвешена на толстом суке дерева. На скелете были остатки черной монашеской одежды.

Проводник сказал путешественникам:

- По обычаю окрестных лесных народов преступников сгибают, им подворачивают ноги и потом над ними делают тесную клетку, так, что человек не может выпрямиться. Человек умирает мучительной смертью. Некоторые мучаются несколько дней.

Игумен Михаил, всмотревшись в остатки монашеской ризы, сказал:

- Это инок Стефан. Он лет десять назад ушел к удоричам проповедовать им Христа.

Все сошли с коней. Епископ Питирим возглавил заупокойную службу по рабе Божиим Стефане, преподобномученике, сподобившемся принять смерть за Христа.

Двинулись дальше. Им встретились еще две такие клетки, в которых были останки людей в кожаных одеждах. Видимо, это были удоричи. За что их казнили соплеменники, путешественники так и не узнали.

К ночи Питирим и его спутники проехали много верст лесного пути. Остановились на ночлег. Утром двинулись дальше. Часа через три после начала пути лес начал редеть и проводник сказал, что они подъезжают к главному селению удорских пермян – Важгорту (Старый Дом, Старое Жилище). Путники выехали на поляну. На огромной поляне были разбросаны жилища пермян – обычные и уже знакомые Питириму землянки, из которых вылезали встревоженные люди. В центре поляны находился низкий частокол из тонких бревен, который окружал кострище с приготовленными дровами. Рядом с кострищем возвышались несколько столбов с вырезанными на них изображениями людей и животных. Изображения были грубыми и пугающими. В частоколе имелось отверстие для прохода внутрь

языческого святилища. Это отверстие было таким низким, что человек должен был на коленях проползать в него.

Возле частокола находилось три шалаша, покрытых шкурами животных. Из одного шалаша вышел человек, одетый в кожаную одежду, украшенную нашивками из ткани и металла. Это был главный шаман удоричей Ыджыд Йэра.

- Зачем ты пришел к нам? Мы тебя не звали. Нам не нужны чужие боги. У нас есть свои боги, - сказал он, обращаясь к епископу Питириму.

Питирим сошел с коня.

- Я пришел рассказать вам об истинном Боге. Ваши боги – идолы и бесы. Обратитесь от тьмы к свету, - ответил он шаману.

- Ты видел, что стало с теми, кто приходил к нам рассказывать о вашем Боге?

- Видел. Они уже в раю с Господом нашим Иисусом Христом, - сказал Питирим. - Ты же будешь гореть в геенне огненной, если не покаешься и не примешь Христа.

- Я не буду тратить время на пустые разговоры с тобой, - заявил шаман, видя, что люди подходят все ближе, стараясь услышать слова епископа Питирима, говорившего на знакомом им языке.

- Ош-Морт! Выйди!

Из шалаша, в котором ранее находился шаман, выбрался Ош-Морт. Его лицо было обезображено гримасой ненависти. Было видно, что он зачарован и не понимает, что делает. Он готов был выполнить любое приказание шамана.

- Ош-Морт! Убей его! – приказал шаман, указывая на епископа Питирима.

Ош-Морт с рычанием бросился на Питирима и его спутников. Но, не доходя до епископа несколько шагов, он, вдруг как будто налетел на какую-то стену, подпрыгнул в воздух, перевернулся и упал на спину. Глаза его закатились. Он стал похож на мертвеца.

Епископ подошел к телу Ош-Морта и сказал:

- Именем Иисуса Христа тебе, бес, повелеваю – выйди из него и больше не входи в него.

Ош-Морт изогнулся всем телом и закричал, как от нестерпимой боли. Несколько минут его мучили конвульсии, потом он затих.

Пермяне подошли к Ош-Морту.

- Он умер! Наш защитник умер! – вскричала старая женщина.

- Не бойся, - ласково ответил Питирим.

- Ош-Морт жив и будет служить истинному Богу. Встань, Ош-Морт. Ты будешь служить Иисусу Христу и приведешь к нему много людей своего народа, - сказал владыка Питирим.

Он наклонился к Ош-Морту, взял его за руку и потянул. Великан открыл глаза. На сей раз, его взгляд был ясным и осмысленным.

- Я готов служить истинному Богу, - произнес он.

- Ты будешь именоваться – Георгий. И, как он победил дракона, так и ты победишь в себе дьявола и послужишь истинному Богу, - сказал епископ Питирим. - Святое Крещение примешь завтра же.

И опять Ош-Морт – Георгий сказал:

- Я готов служить истинному Богу и Иисусу Христу.

Ыджыд Йэра, вне себя от бешенства, пытался, схватив кол, ударить Питирима или кого-нибудь из его спутников. Ош-Морт перехватил кол, вырвал его из рук шамана и замахнулся на него.

- Не убивай его, - сказал Питирим. – Пусть примет веру в Господа Иисуса Христа или уходит прочь. Думай, шаман, спасись или погибнуть – тебе решать.

Шаман молча повернулся и пошел в свой шалаш.

К Питириму бросились пермяне-удоричи. Они за несколько шагов до него падали на землю и ползли к нему, тихо умоляя не убивать их. Питирим их поднял с земли и целый день он и его спутники ласково разговаривали с важгортскими пермянами, наставляя их в начатках христианства.

Две недели жили Питирим со спутниками в удорском селении Важгорт. За это время к нему пришли удоричи и из других селений. Всех, согласившихся стать христианами, пермян-удоричей епископ Питирим крестил, нарекая их христианскими именами. Ош-Морт первым принял крещение и стал именоваться Георгием. Крещеные пермяне-удоричи под руководством попов и монахов, приехавших с епископом Питиримом, сокрушили идолов в Важгорте и всех селениях на Удоре. Они же построили первые в этом крае православные церкви. К каждой церкви был поставлен поп из приехавших с Питиримом.

Владыка на месте самого большого капища создал монастырь во имя Святой Живоначальной Троицы. Первым игуменом монастыря стал его келейник инок Иона, просивший о том владыку.

Все лето провел владыка Питирим на Удоре. Лишь в начале сентября 1445 года он вернулся в Усть-Вымский владычный городок. С ним приехал и Георгий, бывший Ош-Морт. Владыка уговорил великана поехать с ним, учиться и стать диаконом. Тот после долгих сомнений согласился.

Глава 6. Дела церковные. Дела государственные

Начало 1446 года выдалось тревожным. В феврале этого года князь Дмитрий Юрьевич Шемяка поймал великого князя Василия Васильевича в Троицком Сергиеве монастыре, ослепил его и вместе с семьей бросил в тюрьму. Сам он въехал в Москву на правах великого князя. Дмитрий Юрьевич наладил отношения с Ордой и послал своего боярина в Орду для получения разрешения самому явиться к хану для получения ярлыка на великое княжение. Однако его посол был убит в пути. Некоторые московские знатные люди не признали Дмитрия Юрьевича Шемяку великим князем и отъехали от него к Литовскому великому князю. Шемяка решил заручиться поддержкой Церкви и собрал в Москве собор архиереев, архимандритов наиболее значительных монастырей и представителей белого духовенства.

В конце февраля скорый гонец прибыл из Москвы от князя Дмитрия Юрьевича к владыке Питириму с приглашением явиться на церковный собор, назначенный на конец марта месяца. Епископ Питирим решил ехать на собор. Кроме церковных и государственных дел он надеялся увидеться с родными и друзьями, по которым сильно скучал. Надо было ему решить и вопрос о снабжении Пермской епархии белой мукой для печения просфор и красным виноградным вином, необходимым при проведении Литургии.

В начале сырной недели епископ Питирим в сопровождении десятильника Герасима, игумена Михаила и диакона Георгия (бывшего Ош-Морта), а также десятка устюжских воинских людей отбыл из Усть-Выми. Ехали быстро. Его спутники с удивлением смотрели на большие города – Великий Устюг, Вологду, Ярославль, и другие. Через три недели уже стали видны очертания храмов и укреплений Москвы. Москва была еще больше, чем все прежде виденные ими города. Георгий не переставал восхищаться ею.

Остановились в кельях родного Питириму Чудова монастыря. Братия монастыря с радостью встретила своего бывшего архимандрита и с удивлением и некоторой опаской смотрела на пермян, приехавших с ним, хотя те и были духовного чина. Неподдельный восторг вызывал у них, и, скажем прямо, у других москвичей, вид диакона Георгия. Великан покорила их не только своей статью, но и кротостью, ласковым обращением ко всем и детской наивностью.

Сам князь Дмитрий Юрьевич, посетив владыку в его покоях в Чудовом монастыре, был поражен видом Георгия и в шутку попросил епископа Питирима отпустить Георгия к нему на воинскую службу.

Встретился Питирим со своими друзьями и родственниками и много часов провел в их гостеприимных, дорогих, с детства, домах.

Его спутники постепенно привыкли к московской жизни. Они хорошо освоили русский язык, познакомились с божественной службой на церковно-словенском языке. Поп Герасим и игумен Михаил, по просьбе владыки Питирима, были принимаемы в состав служащих в разных храмах Москвы.

По просьбе московского духовенства епископ Питирим отслужил одну Литургию на пермском языке. Ему сослужили поп Герасим, игумен Михаил и диакон Георгий. Громогласные возгласы диакона приводили в восторг избалованную московскую публику. После Литургии почти целую неделю главной темой разговоров москвичей была эта служба на пермском языке и диакон епископа Питирима. Георгий получил от москвичей ласковое прозвище – «Иерихонская труба».

Однако первые радости от встреч быстро миновали. Надо было заниматься государственными делами. Собор архиереев, архимандритов (игуменов) и протопопов посоветовал князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке отпустить великого князя Василия Васильевича с семьей из тюрьмы, оформив этот совет специальной резолюцией, под которой подписались архиереи и некоторые наиболее авторитетные игумены и протопопы. Дмитрий Шемяка пошел даже дальше пожеланий Освященного собора. Он не только выпустил своего врага-родственника из тюрьмы, но и дал ему в удел Вологду и богато одарил Василия Васильевича. Василий Васильевич дал клятву не искать великого княжения. Однако вскоре нарушил клятву, и с помощью своего бывшего врага великого князя Тверского занял Москву.

Василий Васильевич тотчас возобновил работу церковного собора. По его требованию участники собора прокляли князя Дмитрия Юрьевича и постановили, что если он возобновит борьбу с Василием Васильевичем, то и он сам и его подручные будут отлучены от Церкви и храмы в землях Дмитрия Шемяки будут закрыты.

Епископ Питирим вынужден был подчиниться воле большинства и поставить свою подпись под резолюцией собора, хотя душа его была обеспокоена таким проявлением лицемерия.

Весьма неприятной была встреча владыки Питирима и великого князя. Епископ смотрел на человека, у которого на месте глаз зияли рубцы, и который источал лишь одно чувство – страшное чувство неудовлетворенной мести.

Василий Васильевич промолвил после того, как в его покои вошел епископ Питирим:

- Ну, как ты там, в Перми? Ты понял, что надо мне кланяться. Разве не видишь, что Бог за меня. Я уничтожу всех, выступающих против меня!

Последние две фразы он произнес, перейдя на крик.

Епископ Питирим ответил:

- Великий князь! В Пермской епархии дела идут, по милости Божией, нормально. А кланяюсь я только Богу, Пресвятой Богородице и святым.

- В поруб захотел, монах? – прокричал Василий Васильевич.

- На все воля Божия, - ответил Питирим.

Тут вмешался приближенный великого князя Федор Басенок.

- Государь, пора обедать. А ты, владыка, иди к себе в покои и не выходи без позволения из монастыря.

Епископ Питирим ушел в отведенные ему покои в Чудовом монастыре и там находился фактически на положении почетного пленника. Вскоре режим его содержания был облегчен. Питириму разрешили опять выезжать к друзьям и родственникам в город, но так и не разрешили покинуть Москву.

Прошло уже два года с тех пор, как он покинул свой владычный Усть-Вымский городок. Никаких вестей из епархии он не получал. К нему просто не пускали гонцов. Но он не переставал через родственников посылать в Усть-Вымь все необходимое для своей епархии.

В 1448 году, на третий год пребывания Питирима в Москве, он принял участие в архиерейском соборе, поставившем на митрополичью кафедру рязанского епископа Иону.

Лишь после окончания этого собора великий князь Василий Васильевич разрешил ему покинуть пределы Москвы и возвратиться в Пермскую епархию. Он передал епископу Питириму, чтобы тот, по возможности старался не появляться в Москве даже по делам Церкви.

Опять родственники и друзья собрали целый обоз с необходимыми продуктами, иконами, ризами, богослужебными книгами и сосудами. Сестра Питирима, обливаясь слезами, прощалась, как будто предчувствуя, что увидеться с любимым братом ей больше не придется. Питирим успокоил ее и всех родных и друзей. Молитва в домовой церкви их рода была как-то особенно проникновенна. После нее владыка уехал в свои покои в Чудовом монастыре, и на следующий день выехал со своими приближенными, охраной и обозом из Москвы.

Епископ Питирим возвращался к месту службы, в епархию, которую он успел полюбить, к людям, которые стали ему дороги.

Глава 7. Война пришла

Возвращались в очень напряженной обстановке. Великий князь Василий Васильевич собрал под своим знаменем большое войско. Собрал разными способами. Кого запугал, кого подкупил, кого обнадежил будущими благами. Все рвались в бой. Тем более, что противник был явно слабее. Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка потерял свой удел, растерял своих друзей и товарищей, которые массово перебежали к Василию Васильевичу. Он вынужден был отступать на север, туда, где территория бывшего Ростовского княжества соприкасалась с территорией Великого Новгорода. Дмитрий Юрьевич не раз искал себе защиты у Господина Великого Новгорода и постоянно ее находил. Московский же князь Василий Васильевич не мог достать своего противника на территории другого государства, поскольку войско Великого Новгорода было, как минимум, не слабее объединенной рати москвичей и их подручников. Он находил себе утешение «казня», то есть, вырезая население городов и волостей, поддерживавших Шемяку. Кровь лилась рекой.

Шемяка пытался отвечать не менее кроваво. Такие уж это были братья, в силу случая оказавшиеся на вершине власти.

Церковные иерархи, находившиеся на территории великого князя Василия Васильевича, полностью поддерживали его. В том числе и одобряли все те злодеяния, которые князь делал руками своих воинов.

Владыка Питирим доехал до своей епархии без происшествий. На сей раз старались ехать быстро, выпрашивая у местных людей о боевой обстановке в области, через которую лежал их путь.

В Еренском городке епископ встретился со своим старым другом сотником Ефимом Эжвиным и расспросил его о том, что происходило в епархии во время его отсутствия. А диакон Георгий подарил Ефиму Эжвину купленный им в Москве маленький, но острый как бритва нож, который надо было носить в рукаве одежды.

Питирим, приехав в Усть-Вымский городок, занялся повседневными делами управления епархией. И еще он стал больше молиться о мире в несчастной, раздираемой смутой стране. Молился истово, иногда простаивая на молитве всю ночь. Молился он и о том, чтобы усобица обошла стороной его епархию. Но, видимо, Богу было угодно испытать верность пермян.

Началось все с того, что великий князь Василий Васильевич, продолжая войну, в 1450 году зимой напал на Галич, столицу княжества Дмитрия Шемяки. Ожесточенный бой, проходивший на льду озера, окончился победой войск великого князя. Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, вынужден был бежать в Великий Новгород. Находясь в Великом Новгороде, он, видимо, получил необходимые ему средства и решил возобновить войну со своим двоюродным братом великим князем Василием Васильевичем. Но сражаться с войсками Московского великого князя он не решился и поэтому решил ограничиться нанесением врагу-родственнику материального ущерба, ограбив подчиненные ему северные волости. Дмитрий Юрьевич собрал в Великом Новгороде вольницу (наемников), отребье, готовое убивать за деньги и призвал вятчан идти на встречу с ним. Сам же со своим воинством пошел из Великого Новгорода в ладьях разорять земли Великого Устюга. Сначала он пришел в Двинскую волость Великого Новгорода, где пополнил свой отряд и подошел к Великому Устюгу.

Прежде, чем продолжить описание произошедших событий, мы должны дать небольшое пояснение. Великий Новгород – первоначально, город-государство,

распространил свою территорию на северо-восток до Уральских гор. Торговцы и ремесленники, гордость Великого Новгорода, не составляли всего населения. Там постоянно было весьма много агрессивного сброда, регулярно устраивавшего битвы на мосту через реку Волхов. Чтобы освободиться от этого сброда новгородцы собирали из таких людей воинские отряды так называемых ушкуйников, которые на судах (ушкуях) доходили даже до района современной Казани. Целью ушкуйников был грабеж. Однако некоторые из таких отрядов оседали на понравившихся им местах: в среднем течении и низовьях реки Северной Двины с притоками, а также на Вятке. Конечно, постепенно их воинский пыл угасал, и они становились рачительными хозяевами, развивавшими новую колонию Господина Великого Новгорода. Но и среди них находились люди, всегда готовые пролить чужую кровь и грабить чужое имущество, особенно, если речь шла о противнике слабом или вообще беззащитных людях.

Но продолжим рассказ о событиях 1450 года в связи с описанием жизни епископа Пермского Питирима.

Устюжане в виду военной опасности первоначально не только сами подготовились к обороне, но и позвали на помощь ополчения окрестных финно-угорских племен. К ним на помощь пришли ополчения: пермян Вычегодских, во главе с сотником Ефимом Эжвиным; пермян Лузских, во главе с сотником Емельяном Лузьковым; другие ополчения. Ефима Эжвина и его отряд благословил на это сам епископ Питирим. Это благословение сыграло впоследствии свою негативную роль в развитии событий.

Военный отряд князя Дмитрия Юрьевича Шемяки подошел к Великому Устюгу «месяца июня в 29 день, на память святых апостол Петра и Павла». К удивлению многих, его воинство не разоряло окрестные земли. Дмитрию Шемяке нужен был форпост для пребывания в Московском великом княжестве и ведения войны с государем московским. Поэтому Дмитрий Юрьевич вступил в переговоры с виднейшими представителями жителей города Великого Устюга. В конце концов, стороны пришли к соглашению. Ворота города были открыты для князя и его войска. Устюжане стали приносить присягу на верность новому государю – Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Тех устюжан, которые отказывались добровольно целовать крест на верность Шемяке, князь приказал казнить. На казнь он осудил также сотников и десятников ополчений, пришедших на помощь устюжанам.

Казнимым связывали руки и ноги, привязывали к шее тяжелые камни и топили их в реке Северной Двине. Ефим Эжвин, Емельян Лузьков, Миня Жугулев, Давыд Долгошеин и их десятники также были осуждены на казнь. Они также были брошены в реку. Однако Ефиму Эжвину удалось спастись. Ножом, подаренным ему диаконом Георгием и спрятанным в рукаве, он перерезал веревку на руках и ногах, отрезал груз и, к удивлению многих, выплыл на поверхность реки. В него стали стрелять, но и стрелы не повредили ему. Ефим Эжвин бежал на Вятку. Там следы его затерялись. Возможно, он был убит, а, может быть, пробравшись в более безопасное место, там поселился и там окончил свой жизненный путь.

Во время допроса и сам Ефим Эжвин и его десятники рассказали князю Дмитрию Шемяке, что прийти на помощь устюжанам их благословил епископ Пермский Питирим. Разгневанный князь распорядился послать письма Печерским вогулам и вятчанам. В этих письмах он призывал тех и других идти военным

походом на Пермскую епархию. Вогулы не пошли. Их старый князь умер, а его сын Асыка был еще мал – ему не было еще и пятнадцати лет.

Вятчане же воспользовались «приглашением» и, собрав вольницу, двинулись разорять Пермскую епархию. Их нашествие 1450 года надолго врезалось в память местного населения. Вятчане убивали людей с особой жестокостью, сжигали погосты с дворами церковных причетников, разоряли даже храмы, забирая все, что можно было унести. Они прошли огнем и мечем по Сысолье, от вершины и вплоть до ее устья и по Вычегде до Усть-Выми. Нигде они не встретили сопротивления. Ужгинское и Сысольское ополчения не вступили с ними в бой, не смогли защитить своих людей. А у епископа Питирима воинской силы, за исключением постоянно живших в Усть-Вымском городке нескольких воинов Устюжского полка, никакой не было.

Вятчане подошли к владычному городку и решили сразу взять его штурмом. Городок защищали все, кто мог держать в руках оружие. Хорошо проявили себя, укрывшиеся в осадных дворах крепости, местные пермяне-охотники. По благословению епископа Питирима они старались не убивать, а лишь только ранить нападавших. Вятчане не смогли взять владычный городок ни сразу, ни во время двух других штурмов. Получив отпор, и имея в своем составе больше половины раненых, они, с грязными ругательствами, отступили, и ушли к себе на Вятку. Место же, на котором располагался лагерь нападавших, еще в течение двух столетий называлось Вятский луг.

Глава 8. Наместники великого князя

Великий князь Василий Васильевич ужинал. Несмотря на свою слепоту, он любил есть сам, на ощупь, выбирая из блюда куски мяса, или рыбы. Он сам выбирал куски пирога. Процесс выбора лучшего куска приносил ему моральное удовлетворение. Поэтому он был в хорошем расположении духа.

Однако это его благодушие рассеялось вскоре. Причиной тому явился приход в столовую палату великого князя его ближайших советников – бояр Никиты и Федора Басенка. Поклонившись великому князю, они поздоровались с ним и пожелали ему приятного аппетита. Великий князь ответил им вопросом об их здоровье и сказал:

- Ну, говорите, зачем пришли.

- Великий государь, - начал Никита, - Шемяка опять войну начал. Не сидится ему в Великом Новгороде. Взял на щит дальний твой город Великий Устюг.

- Ах, клятвопреступник! – воскликнул Василий Васильевич.

И вдруг вскочил со своего кресла.

- Устюг этот возле Пермской епархии? – спросил он.

- Да, великий государь, - ответил ему Басенок.

- И что Питирим? Небось побежал крест ему целовать?

- Не слышать об этом, - сказал Никита.

- Нет у нас своего глаза за этим Питиримом. Живет он там, как князь удельный. Сам судит людей, сам решает все дела. И не платит тебе в казну податей. И даже черный бор для татар не платит. Дед твой, Дмитрий Иванович Донской, дал

первому епископу Пермскому Стефану грамоту. По ней с пермян никакой подати и пошлины в казну великого князя не собирается.

- Этому надо положить конец. В моем государстве все должны мне платить подати – сказал Василий Васильевич.

- А кто собирать-то их будет? И кто их к тебе в казну привезет? – спросил Басенок. – Нет там ни твоего наместника, ни твоего волостеля.

- Значит надо туда послать моих людей. Пусть и подати и пошлины собирают, и суд от моего лица дают местным людям, - ответил Василий Васильевич.

- А кого послать-то? Тут нужен кто-либо княжеского рода, - сказал Никита.

- У меня на дворе столько служилых князей и княжат сейчас. И все в рот смотрят. Кусок себе просят. Найди кого позахудалее. Нечего к Питириму посылать знатных людей, - приказал Василий Васильевич.

Бояре поняли все. Великий князь не простил Питириму его независимую позицию. Он хочет унижить Питирима. Но, унижая Питирима, он мог унижить и обидеть несколько знатных боярских и княжеских родов Москвы. Тут надо было подумать.

Через две недели Басенок и Никита опять пришли к Василию Васильевичу и принесли ответ на высказанное им поручение.

Никита доложил:

- Есть у твоего двоюродного брата, Верейского князя родственник – князь Ермолай. Да и твой дальний родственник. Его род давно захудал и весьма обеднел. Он у князя Верейского на побегушках. Но считается из его рода. Пошли этого Ермолая в Пермь к Питириму для присмотра за епископом. Старший сын Ермолая Михаил для себя тоже службы просит. Его можно отправить в Великую Пермь Чердынью волостелем.

Василий Васильевич одобрил это предложение и сказал:

- Надо как-то для наших москвичей, любящих Питирима, подсластить горечь. У Питирима владычный городок называется Усть-Вымь. Пусть мои наместники будут князьями Вымскими. Дайте им грамоту на это. И, не мешкая, посылайте их к месту службы.

Прошел месяц и к Усть-Вымскому городку подъехал караван из нескольких ладей. В них находились более сотни вооруженных воинских людей. В Усть-Выми встревожились. Опять ожидали начала боевых действий. Однако воинские люди выгрузились из ладей и несколько человек направились к стенам городка. Один из них был уже старым человеком. Он возглавлял процессию.

Подойдя к воротам, они объявили, что прибыл наместник великого князя Василия Васильевича Вымский князь Ермолай и он хочет говорить с владыкой Питиримом.

Ворота были открыты. Делегация вошла в крепость. Владыка Питирим вышел из своих покоев навстречу. Ермолай и все бывшие с ним подошли под архиерейское благословение, поздоровались с епископом. Ермолай предъявил владыке грамоту великого князя. Питирим прочитал сам предъявленную грамоту и передал ее игумену Михаилу для оглашения всем жителям Усть-Вымского городка. Потом пригласил Ермолая, его сыновей и приближенных разделить с ним трапезу. Также

владыка распорядился, чтобы все, приехавшие с князем, были размещены в осадных дворах, накормлены и чтобы для них были приготовлены бани.

Князь Ермолай поблагодарил владыку за заботу о нем и его людях. За трапезой Ермолай рассказал о том, как неожиданно ему пришло назначение на наместничество в Пермь. Этот князь считал такое назначение великим даром великого князя и все удивлялся, за что ему такое счастье. Питирим же понял все. Он понял, что этим назначением великий князь Василий Васильевич пытался унижить его и его родню. Но ничего не стал говорить Ермолаю. Наоборот, епископ Питирим поддержал Ермолая в его восторгах, сказав, что великий князь Василий Васильевич по достоинству оценил деловые качества Ермолая и его сыновей.

Епископ рекомендовал Ермолаю начинать свое служение на новом месте со знакомства с местной пермской знатью и с духовенством епархии. Кроме того, он настоятельно советовал и Ермолаю, и его старшему сыну Михаилу, который должен был отправиться в Чердынский городок в Пермь Великую, выучить пермский язык. Те согласились со всем, что говорил им владыка Питирим.

Рассказал Ермолай и о том, что им с трудом удалось проехать мимо Великого Устюга и то потому, что в это время князь Дмитрий Юрьевич Шемяка воевал в окрестностях Вологды, а устюжане не стали преследовать его караван.

Неделю жили в Усть-Вымском городке приезжие князья. За это время, по приказанию епископа Питирима, на встречу с ними приехали сотники Вымский Иван; Николай Эжвинский (Вычегодский), выбранный вместо Ефима Эжвинского, который не вернулся в родные места; Афанасий Сысольский; Кирилл Ужгинский и все попы приходских храмов.

На этой встрече Ермолай зачитал другую грамоту великого князя, которую вначале скрыл от епископа Питирима. Этой грамотой великий князь ликвидировал льготный статус епархии, устанавливал размер дани, черного бора и пошлин (брачных, судебных, таможенных, проездных и иных), а также передавал суд по не церковным делам Вымским князьям. Это был сильный удар по пермянам, а еще более сильным по епископу Питириму. Ведь он не мог защитить свою паству от действий великого князя. Был в грамоте и еще один не очень приятный момент. Защита Вымского наместничества, возлагалась на князей Вымских и местное ополчение. Устюжский полк уже не вправе был по первому зову придти на помощь Пермской епархии. Конечно, это ослабляло уровень безопасности епархии.

Услышав это, все приехавшие на встречу с Ермолаем долго молчали. Разрядил ситуацию епископ Питирим. Он сказал:

- На все воля Божия. Не нам судить великого князя. Потерпим, братия. Может быть, Бог переменит мысли великого князя Василия Васильевича, и он опять будет опекать нас, как отец детей своих.

Со встречи все разъехались в мрачном состоянии духа.

Прошла еще неделя, и Ермолай решил подыскать себе место для резиденции. Владыка Питирим посоветовал ему выбрать место на Выми, потому что князь носил название Вымский. Тот согласился. Через месяц, в Успенский пост, князь Ермолай пригласил владыку Питирима к себе в резиденции. Она была названа Княжий погост. Княжий погост представлял собой крепость с деревянными стенами. Внутри были построены церковь, хоромы для князя, избы для приехавших с ним воинов и хозяйственных слуг, хозяйственные постройки. В подвале амбара

располагалась тюрьма. Владыка освятил церковь в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы. Он же привез с собой молодого попа Николая, недавно окончившего курс обучения в епархиальной школе. Николай был пермянин, родом из близлежащего к резиденции погоста Ляли. Поэтому Вымская земля для него была родной.

Начались будни. Ермолай с младшим сыном Василием стал налаживать свою жизнь в Княжем погосте. Старший его сын Михаил Ермолич, получив благословение от епископа Питирима и наставления от своего отца, отправился к месту своей службы в Пермь Великую.

Ермолай, человек от природы разумный, свои наиболее серьезные шаги в управлении краем согласовывал с епископом Питиримом. Поэтому больших разногласий и у них не возникало. Постепенно и пермяне стали привыкать к представителю великого князя в их крае.

Глава 9. Заточение

И все же введение налогов и пошлин вызвало негативную реакцию пермян. Простые люди жаловались епископу Питириму, что в зиму 1451 – 1452 года соболя в лесах было мало, а Вымские князья брали дань только шкурками соболей. Пермская знать жаловалась, что Вымские князья иногда не берут в расчет обычное право пермян и судят людей не так, как они привыкли. Надо было что-то делать. Попытки разговора с князем Ермолаем ни к чему не привели. Он ссылался на распоряжения великого князя.

Питирим помнил приказ Василия Васильевича не появляться в Москве без его приглашения. Однако он не мог оставить своих духовных чад без помощи. Епископ Питирим принял решение ехать в Москву к великому князю Василию Васильевичу. Он знал, что Василий Васильевич может заключить его в монастырскую тюрьму заслушав его рекомендации. Он знал, что князь Дмитрий Юрьевич Шемяка живет в Великом Устюге и что миновать Великий Устюг очень сложно. И все же Питирим понадеялся на то, что князь Дмитрий не посмеет поднять на него руки. Владыка ошибся.

На совете с ближайшими людьми решили, что владыка поедет через Лузскую Пермцу по реке Луза и, если даст Бог, его ладьи смогут обойти Великий Устюг. Расчет был на то, что князь Дмитрий не узнает о поездке владыки.

Однако опытный воин князь Дмитрий Юрьевич Шемяка хорошо наладил систему разведки и оповещения в близлежащих к его новой резиденции местах. Каравану владыки Питирима не удалось незаметно пробраться мимо Великого Устюга. Навстречу ладьям епископа вышли ладьи воинских людей Шемяки.

- Кто едет? – спросил старший воин.

- Епископ Пермский Питирим в Москву к великому князю Василию Васильевичу, - ответили с ладьи владыки Питирима.

- Князь Дмитрий Юрьевич приглашает к себе, - сказал старший воин.

Караван владыки Питирима был препровожден в Великий Устюг. На пристани к приставшим ладьям были поданы сходни. Владыку Питирима встретил

боярин князя Дмитрия Юрьевича Шемяки Николай. Он сам помог епископу сойти с ладьи, потом принял благословение владыки. Для получения благословения епископа Питирима выстроилась очередь из нескольких десятков людей, среди которых были священники и монахи, воины и просто горожане. Всех благословил епископ Питирим.

В то время как владыка Питирим благословлял народ, его спутников окружила стража. У охраны епископа изъяли оружие, некоторым связали руки. Всех, включая духовенство, выстроили попарно, и повели под конвоем на двор устюжского воеводы, где квартировал князь Дмитрий Шемяка. На этом дворе находилась и тюрьма, в которую всех спутников епископа Питирима и посадили.

А к владыке обратился боярин Николай:

- Преосвященный Владыка! Князь Дмитрий Юрьевич ждет тебя. На двор к князю тебя отведет инок Илия.

Как будто из ниоткуда появился человек в монашеской одежде. Он поклонился епископу, попросил его благословение и получил его и елевым голосом произнес:

- Достопочтимый владыка! Пожалуйста следовать за мной.

Они пошли пешком. Боярин же Николай сел в повозку и приказал вознице:

- Трогай!

Все вышеописанное не предвещало ничего хорошего. Сам владыка Питирим еще с момента остановки его каравана понял, что будет у Дмитрия Юрьевича Шемяки пленником. Как князья обходятся с пленниками – он знал хорошо и приготовился к самому плохому варианту развития событий. Однако князь Дмитрий удивил его.

При входе епископа Питирима на двор воеводский в домовый церкви зазвучали колокола. Епископа Питирима встретил поп в праздничном облачении. Сам князь Дмитрий спустился по парадной лестнице со второго этажа и подошел под благословение владыки. После чего пригласил епископа Питирима на трапезу. Питирим сразу попросил накормить его спутников. Князь Дмитрий распорядился исполнить просьбу владыки.

После трапезы епископа Питирима инок Илия отвел в отведенную ему комнату. Там Питирим отдохнул от утомительного путешествия.

К вечеру князь пригласил владыку Питирима в свои покои. Он был приветлив с гостем-пленником. Спросил о здоровье, расспросил о состоянии дел в Пермской епархии. Сокрушался, когда услышал о нападении вятчан на епархию, как будто не знал об этом и как будто не по его наущению этот сброд устроил кровавую баню мирным пермякам, не повинным в политических распрях родственников-князей.

На вопрос епископа:

- Где мои спутники?

Князь ответил будничным тоном:

- В тюрьме. Их будут держать достаточно свободно. Их будут хорошо кормить.

Владыка Питирим попросил, чтобы духовные особы были размещены в каком-либо из устюжских монастырей. Князь обещал это сделать.

Наконец, дошло до главного разговора.

Князь сказал, что уважает епископа Питирима, знает о несправедливом отношении к нему великого князя Василия Васильевича.

- Но ты, владыка, провинился передо мною. Ты преступил крестное целование на соборе 1446 года. Ты потом, по наущению князя Василия, предал меня проклятию за то, что я, как и мой отец, пытался жить по совести и по обычаю, а не воровским манером, как Василий. Это нехорошо. Я прошу тебя, владыка, снять с меня проклятое слово и благословить на войну с похитителем принадлежащего мне престола великокняжеского.

Питирим ответил князю:

- Князь Дмитрий! Русь устала от вашей с князем Василием распри. Я не благословлю тебя на новую войну. А подписал я постановление собора с проклятием тебе, если будешь опять искать московского престола, по принуждению великого князя Василия и поддавшись уговорам архиереев. За это я приму от Всемилостивого Бога осуждение и уже пострадал за это малодушие. От своей же подписи я не отрекусь. Не повторю прежней ошибки. В твоей власти нахожусь. Если Господь желает, чтобы я испытал мучения, значит так надо. Кто я такой, чтобы идти против воли Его?

Князь Дмитрий сказал епископу:

- Вижу, что ты человек чести. Хорошо. Будь, по-твоему. Хочешь испытать муки заточения – испытаешь их. Сегодня поспи в комнате, завтра тебя переведут в отдельную камору в тюрьме в монастыре Михаила Архангела. Иди спать.

Рано утром в комнату епископа вошел инок Илия и тем же, что и прежде елеинным голосом произнес:

- Досточтимый владыка! Пойдем в тюрьму.

Почти четыре месяца пробыл владыка Питирим в монастырской тюрьме. Он испытал голод и холод. Самого его не подвергали пыткам, но перед окном его каморы тюремной пытали его спутников, а двух человек, правда, посторонних преступников, казнили. Повешенные висели перед окном каморы владыки Питирима неделю. Потом князь Дмитрий разрешил их похоронить.

Дважды за время заточения князь Дмитрий Юрьевич приходил к владыке и пытался уговорить его снять проклятое слово. Питирим отвечал только одно:

- Не могу.

Через четыре, почти, месяца епископ Питирим услышал шум на монастырском дворе. В его камору вбежал послушник Стефан, прислуживавший, по мере сил владыке, и закричал:

- Владыка! Князь Дмитрий бежал из Великого Устюга. В город входят войска великого князя Василия Васильевича под руководством сына его – великого князя Ивана Васильевича.

Город Великий Устюг почти не пострадал от войск великого князя, вырезавших ранее население Кокшеньги за то, что приняло князя Дмитрия. Устюжане отделались очень большим денежным побором. Лишь некоторые из них, наиболее знатные, были повешены или утоплены по приказу воевод великого князя Василия Васильевича. И только через неделю после вступления войск великого

князя в Устюг, в камору епископа был прислан от воевод воинский человек средней руки, грубо передавший епископу Питириму:

- Великий князь освобождает тебя от тюрьмы. Также освобождены твои спутники. Возвращайся назад в Пермскую епархию. Тебя никто не ждет в Москве. Тебе там нечего делать. Ладья готова. Уходи.

На дворе монастыря епископ Питирим встретил своих спутников. Молча обнялись. Епископ оглядел своих спутников.

- Где преподобный Михаил? – спросил он.

- Игумен Михаил не выдержал тягот заключения и отдал Богу душу.

- Где двое из гребцов, Анисий и Лука? Где воины наши – Николай, Василий и Афанасий?

- Анисий, Лука и Василий отдали Богу души свои. Николай и Афанасий не выдержали пыток и отреклись от тебя. Они перешли на службу к князю Дмитрию.

- Ну, что ж, - промолвил владыка, - пошли к ладье.

Молча дошли до ладьи. С трудом поместились в нее, но все же поплыли из переставшего быть гостеприимным Великого Устюга домой – в Пермскую епархию, в Усть-Вымский городок.

Глава 10. Последний путь

Вернулись в Усть-Вымский городок уже к ледоставу. Долго залечивали свои раны. Даже владыка Питирим последние три недели своего заточения содержался в камере прикованным к стене цепью. Дьякон Георгий, по причине своей богатырской стати, все время пребывания в монастырской тюрьме был скован по рукам и ногам. Он очень исхудал, потому что в последние дни заточения его просто перестали кормить.

- Что же ты ел? – спросил его епископ.

- Солому из-под себя, - сказал диакон.

Владыка Питирим сильно переживал из-за того, что за него страдали его спутники, ни в чем перед князем Дмитрием не виновные. Он старался как-то загладить свою вину перед ними. Однако все его бывшие спутники, все как один, просили любимого владыку не сокрушаться. Диакон Георгий выразил общее мнение, когда сказал:

- Дорогой владыка! Не надо нам от тебя никаких наград. Ты наш духовный отец. И сейчас ты стал нам более дорогим и любимым, чем был раньше. Не сокрушайся о наших страданиях. Мы страдали за Христа и рады этому.

На том и порешили. Жизнь скоро вошла в свою прежнюю колею. Епископ управлял своей епархией. Он еще раз посетил Удорский край, где осмотрел храмы и монастырь, совершил богослужения, имел много бесед с мирянами, подкрепляя их усилия стать настоящими христианами.

Епископ Питирим наладил отношения с князьями Вымскими Ермолаем и его сыном Василием. После того, как владыка Питирим вернулся из заточения, вернее – из плена от князя Дмитрия Шемяки, князья Вымские стали относиться к нему с еще

большим уважением. Они перестали вторгаться в церковные дела и в делах гражданских стали советоваться с епископом.

Наступил 1455 год. Весной, после празднования Светлого Воскресения Христова, к епископу Питириму прибыл гонец от Вымского князя Михаила, управлявшего Великой Пермью. Князь Михаил просил владыку дать храмозданную грамоту на строительство второго храма в Чердыни и просил владыку приехать для освящения только что возведенного храма во имя Архистратига Божия Архангела Михаила.

На словах гонец передал епископу Питириму, что в Великой Перми язычники начали интересоваться христианским учением. Пока, сказал гонец, сокращенные божественные службы проходят в часовне в чердынском кремле. На них бывает много пермян, которые молча стоят, слушают, хотя и вряд ли что-нибудь понимают, так как службы проходят на церковно-словенском языке.

Владыка отпустил гонца в Княжий погост к князьям Вымским Ермолаю и Василию. К ним от князя Михаила тоже были послания.

На следующий день епископ Питирим служил Божественную Литургию. Когда пришло время чтения Евангелия, вдруг он очень сильно захотел сам прочитать его. Диакон Георгий подал ему Святое Евангелие с закладкой на той странице, которую надо было по уставу читать в этот день. Однако Питирим увидел, что на открытой им странице размещался другой текст: «Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою» (Мф. 9, 36 - 38). Епископ понял, что Господь обращается к нему с указанием идти в Пермь Великую на проповедь Христианства.

После Литургии он объявил своим приближенным:

- Идем в Пермь Великую. Народ ждет нашего благовестия о Христе.

После праздника Живоначальной Троицы речной караван из нескольких ладей отплыл вверх по реке Вычегде. Одна ладья имела посередине шатер и представляла собой передвижной храм. Три ладьи занимали дружинники Вымских князей и воины Вымского местного ополчения. Они должны были пополнить отряд князя Михаила. Епископ Питирим предполагал благовествовать местному пермскому населению, однако берега Вычегды выше Усть-Выми были пусты.

Прошли до Великой Перми по реке Вычегде, малым речкам, волоку, когда приходилось гребцам и воинам переносить ладьи на плечах, реке Каме, за три недели. То, что увидели путники в окрестностях Чердыни, подействовало на них угнетающе. Они увидели два разоренных и сожженных села.

Навстречу каравану владыки из Чердыни вышли две ладьи. На одной из них на носу стоял князь Михаил. Он поздоровался с владыкой Питиримом и всеми спутниками его и ответил на немой вопрос:

- Вогулы напали. Пограбили, сожгли и убежали. Мы не смогли их догнать. Еще до моего прибытия в Чердынь вогулы печорские начали на нас нападать. Когда умер их старый князь, на его место стал его внук Асыка. При нем, десятилетнем тогда мальчишке был Пыткей, старший шаман вогулов. Он сказал, что в Асыку

вселился великий боевой дух вогулов. С тех пор каждый год вогулы собираются в поход на окрестные народы.

- Вогулов в парме-тайге не догнать и не найти. Их надо настигать на их стойбище. Там они живут расслабленно. Пьют отвар из мухоморов и поют песни, - сказал диакон Георгий. – Я с ними боролся несколько лет, пока не пришел ко Христу.

- Владыка! – обратился к епископу Питириму князь Михаил. – Отдай мне диакона Георгия. Пусть служит в храме в Чердыни и мне помогает в борьбе с набегами вогулов.

- Это как решит сам диакон Георгий, - ответил епископ Питирим.

- Я буду с владыкой, - заявил Георгий.

- Ну, хорошо. Отдохните с дороги, и прошу дорогого владыку и всех твоих спутников ко мне – отведать нашей трапезы, - завершил разговор князь Михаил.

Полтора месяца жил епископ Питирим в Чердыни. Он освятил построенные храмы, крестил его дружинников-пермян. Много времени уделил владыка беседам с простыми людьми. Многие из них после бесед с владыкой порывали с язычеством и становились христианами. Князь Михаил не мог нарадоваться и все время с восторгом говорил своим приближенным, что Сам Господь помогает владыке Питириму приводить к Церкви Христовой даже закоренелых язычников. Так это и было. Ибо невозможно заставить людей поменять свои религиозные воззрения и перейти от язычества к христианству, если Господь не коснется сердца человека и не призовет его стать членом Своей Церкви. Без помощи Божией все тщетно – и устрашение и увещание различными мудрыми словами. Это прекрасно осознавал и епископ Питирим, ежедневно проводя Литургию в храмах города Чердыни и окрестных селений. Последнюю в Великой Перми Литургию владыка Питирим служил в праздник Успения Пресвятой Богородицы. После службы он объявил князю Михаилу и своим спутникам, что завтра они выезжают назад в Усть-Вымский городок.

Сборы были недолгими. С рассветом следующего дня караван ладей епископа Питирима отправился в обратный путь. До Вычегды караван провожали воинские люди князя Михаила. В устье речки Кельтмы, притока реки Вычегды, наши путешественники расстались с почетным эскортом. Далее надлежало им плыть самим вниз по течению реки Вычегда. Они намеревались за неделю достичь цели своего путешествия – Усть-Выми. Однако их планам не суждено было осуществиться. Приблизился день 19 августа по старому стилю, 1 сентября по новому стилю. Этот день станет последним в земной жизни епископа Питирима и многих его спутников.

19 августа (1 сентября) епископ Питирим рано проснулся. На душе было тревожно. Объяснить эту тревогу он не мог и усиленно молился. Диакон Георгий тоже испытывал тревогу. И тоже не мог объяснить ее себе. Решили плыть без обычной полуденной остановки на трапезу. Так и сделали. Но около полудня ладья епископа Питирима напоролась на топляк. Полузатонувшее дерево пробило дно ладьи. Надо было останавливаться для починки судна. В это время караван находился вблизи речки Помос, притока реки Вычегды. Немного проплыли по этой

речке вверх по ее течению, нашли удобное для стоянки место и высадились на берег. Георгий сказал:

- Не нравится мне это место. Какую-то тревогу ощущаю. Надо было воинских людей не отпускать. Сейчас у нас нет ни одного воина, только гребцы и монахи с попами.

- На все воля Божия! – Ответил владыка Питирим и распорядился провести молебен прямо на прибрежном лугу.

А в это время в недалеком лесу и кустарнике около двадцати человек быстро, но очень тихо продвигались по направлению к лугу. Люди двигались так тихо, что обнаружить их было практически невозможно. Отряд вогульских воинов под командованием самого князя Асыки все-таки настиг наших путников. Вогулы следили за ними с момента расставания путешественников с воинами князя Михаила и ожидали только удобного момента, чтобы напасть на беззащитных людей. Основной целью вогульских воинов был грабеж. Они с вождедением смотрели в первую очередь на одежду из тканей – роскошь для лесных жителей. Но Пыткой – шаман и воспитатель Асыки убеждал молодого вогульского князя убить всех путешественников.

- Они противники наших богов, их надо всех убить, - говорил он Асыке.

Тот согласился с Пыткеем.

На лугу начался молебен о путешествующих. Вдруг из недалеких кустов раздались звуки спускаемой тетивы. Два спутника епископа Питирима упали мертвыми. Из кустов и из леса выскочили люди и устремились к епископу и его свите. Гребцы стали стрелять из луков по нападавшим. Однако те бежали вперед. Впереди них бежал молодой воин в блестящей металлическими нашивками одежде. Это был князь печорских вогулов Асыка. Он держал в руках длинную палку с привязанным к ней длинным ножом. Подбежав к владыке, Асыка вонзил этот нож в грудь епископа. Владыка Питирим упал, но умер не сразу. Несколько вогульских воинов подбежали к нему и другим убитым и стали снимать с них сапоги и одежду.

Диакон Георгий все это время был в оцепенении. Но, увидев, что вогулы хотят ограбить мертвые тела и раненого владыку, он взревел. На какое-то время в нем проснулся Ош-Морт – гроза вогулов. Он бросился к одному из грабителей, убил его ударом кулака, и, схватив труп за ноги, стал вращать его над собой, нанося им удары по вогульским воинам. Все было настолько стремительно, что, лишь потеряв несколько человек убитыми, вогульские воины побежали под спасительное прикрытие кустов и деревьев. Ош-Морт несся за ними, настигал, убивал. Князь Асыка удивленно смотрел, как один человек справляется с его отрядом. Пыткой схватил Асыку за руку и повлек за собой вглубь леса.

- Это Ош-Морт. Его нельзя злить. Он не чувствует боли. Его может убить только такой же великан, каким является он. Надо бежать, - прокричал Асыке Пыткой.

Асыка, Пыткой и все оставшиеся в живых вогульские воины побежали как можно быстрее, стремясь укрыться от неминуемой смерти. Если бы их преследовал Ош-Морт, они были бы убиты. Но их преследовал переродившийся Ош-Морт –

диакон Георгий, который уже познал, что Бог есть Любовь, и который прогнав врага не стал их преследовать далее.

Диакон Георгий вернулся к любимому владыке. Епископ Питирим был без сознания. Жизнь покидала его. Перед смертью он пришел в сознание. Увидев склонившегося над ним диакона Георгия, владыка произнес:

- Не оскверняй себя убийством. Покайся в грехе этом. Проси у Господа прощения.

Потом обратился к Господу:

- Господи, сохрани Пермскую епархию, спаси и сохрани православных христиан.

- Прими душу мою.

С этими словами епископ Питирим скончался.

Диакон Георгий и другие спутники епископа Питирима бережно перенесли тело владыки и других убитых христиан в ладью, похоронили убитых вогульских воинов. Ладьи отплыли. На берегу осталась одна ладья с проломленным и так и не починенным дном – ладья епископа Пермского Усть-Вымского Питирима.

Глава 11. Жизнь после жизни. Послесловие

Ладьи каравана епископа Питирима плыли по реке Вычегде, не останавливаясь, день и ночь. Всего за двое суток они проплыли более четырехсот километров и на третьей сутки пристали к берегу возле Усть-Выми. Сначала их встретил праздничный перезвон колоколов, но, когда звонари увидели, что из ладей выносят умерших, звон сменился с праздничного на погребальный.

Владыку Питирима похоронили в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы у алтаря, рядом с захоронением епископа Герасима. Попов и монахов, убитых вместе с епископом, похоронили у церковной стены.

Десятильник Герасим отправил в Москву к великому князю Василию Васильевичу и митрополиту Ионе гонца с печальной вестью о смерти епископа Питирима.

В Москве гонца встретил слуга митрополита, взял грамоту. Через сутки гонец был отправлен назад с грамотой митрополита, в которой было указано десятильнику Герасиму исполнять обязанности по управлению епархией. Десятильник обязан был следить за благочинием в храмах епархии, разбирать споры духовенства между собою, собирать с духовенства храмом утвержденную церковную дань. Он не мог выдавать грамоты на строительство и освящение храмов, а также рукополагать в священно и церковнослужители.

На сей раз, великий князь Василий Васильевич не торопился назначить на вдовствующую Пермскую епархию правящего архиерея. Лишь в 1462 году, через шесть с лишним лет после убийства владыки Питирима, и уже после смерти великого князя Василия Васильевича и при новом великом князе Иване Васильевиче, на Пермскую кафедру был поставлен епископ Иона.

С окончанием земной жизни человека близкие ему люди вспоминают о трудах почившего. Также поступим и мы, вспоминая о жизни и трудах епископа Пермского (Усть-Вымского) Питирима.

Отвлекаясь от политических перипетий древней истории, скажем, что сделал **святитель** епископ Пермский (Усть-Вымский) Питирим, кроме обычных для всех владык повседневных дел по управлению епархией.

Владыка Питирим привел ко Христу большую часть пермян, а именно пермян удорских и жителей Перми Великой. Именно благодаря его трудам весь коми народ (древние пермяне) стал народом православным. Епископ Питирим этим закончил дело, начатое епископом Стефаном. Поэтому по праву владыка Питирим может почитаться, как **равноапостольный святой**.

Владыка Питирим укрепил заложенные еще святителем Стефаном основы книжной культуры в крае. Благодаря своей учености, епископ Питирим хорошо понимал значение грамотности и книжности духовенства и монахов, а также значение целенаправленной подготовки кадров духовенства из местных жителей. Поэтому епископ Питирим может почитаться и как **просветитель древних пермян**.

Владыка Питирим проявил себя бесстрашным и твердым в отстаивании истинно православной позиции перед всеми, не взирая на лица. Он перетерпел гнев великого князя и перенес муки тюремного заточения. Все это он делал, будучи верным духовным воином Господа. Поэтому епископ Питирим может почитаться и как **страстотерпец**.

Владыка Питирим был верен Христу до смерти и из-за своей верности Христу сподобился принять смерть от руки воинствующего язычника. Поэтому епископ Питирим может почитаться и как **священномученик**.

Почитание владыки Питирима в Коми крае началось сразу после его смерти. Для пермян удорских он естественно стал небесным ходатаем за них перед Господом Иисусом Христом. В конце пятнадцатого века у раки с мощами епископов Герасима, Питирима и Ионы начали совершаться чудеса исцелений. Чудес было настолько много, что в 1607 году решением Церковного Собора с участием царя Василия Ивановича (Шуйского) святители Герасим, Питирим и Иона были причислены к лику русских святых. Причем священноначалие Русской Православной Церкви сочло правильным выделить особый день для прославления всех трех Пермских Усть-Вымских святителей.

Для поклонения Усть-Вымским святителям-чудотворцам приезжали в Усть-Вымский городок люди со всей Московской Руси: богатые и бедные, знатные и простолюдины. Не кончается и в наши дни поток людей, желающих припасть к чудотворным мощам святителей Пермских (Усть-Вымских) Герасима, Питирима и Ионы.

В коми народе благодарная память о владыке Питириме сохраняется до наших дней. Его именем называются дети, его имя берут монахи.

Все это позволяет нам с уверенностью говорить, что владыка Питирим продолжает жить в своей епархии, в сердцах и мыслях потомков его паствы.

Святитель Пермский Усть-Вымский Питирим – моли Бога о нас!

Приложение Данные русских летописей

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. // Историко-филологический сборник Коми филиала Академии наук СССР. Выпуск 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 260 – 262.

1432 г. Лета 6940. Началася распря великая на земле русской меж детьми великих князей Василия Дмитриевича и Юрия Дмитриевича, меж Васильем Васильевичем и Васильем Юрьевичем. Много крови христианской пролилося безвинно, покеда распря была.

1443 г. Лета 6951 убиен бысть епискуп Пермский Герасим за несколько стадий от владычного горотка, месте зовемый Мыс, земскими подьяки за нечто, а то нечто суть земляные поделия на владычном горотке на строение храма ружново, да распря угодейная.

1444 г. Лета 6952 поставлен бысть в епискупы Пермские епархия архимандрит Питирим Чудова монастыря. Владыко Питирим привел к святей вере пермяков удоренов на Вашке реке, игуменов и попов им дал, святеи храмы тамо создвиг.

1447 г. Лета 6955 владыко Питирим с другими владыки российский писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от Церкви святеи.

1450 г. Лета 6958 повелел князь Дмитрий Юрьевич Шемяка вятчанам идти к себе, а сам поиде от Новугорода в ладьях земли Устюжские разоряти. Призвали устюжана от Шемяки пособляти вычегжаны и вымичи, а сами щита супротив Шемяки не держали. Казнил князь Шемяка пермских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их. Того же лета звал Шемяка вогуличей и вятчан волости великого князя грабити. Вогулечи не шли, а наущением того Шемяки пришедшу вятчане на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святеи грабили, церковное все поимали. Приступали вятчане к владычню горотку Усть-вымь, а взять не взяли. Постояв на месте Копанец, зовемый Вятской луг, повернули вспять на Вятку.

1451 г. Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая. Да за ним Ермолаем, да за сыном ево Василюем правити пермской землей Вычегоцкою, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великую Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной.

1452 г. Лета 6960 поимал окаянный Шемяка владыку Питирима, шедшу на Москву, приведе на Устюг, в темницу метнул и мучал ево тамо. А владыка не убоялся тово Шемяки, проклятое слово не взял.

1453 г. Лета 6961 шел ратью князь великий Василей Васильевич супротив Шемяки на Кокшенгу и на Устюг. Кокшенгу взял, кокшаров посекал и пошел казнить Устюг, по што устюжана Шемяке норовили. Заслыша то Шемяка, утекл на Двину и к Новугороду, и там бысть отравлен зелием.

1455 г. Лета 6963 приездил владыка Питирим в Великую Пермь на Чердыню крестити ко святей вере чердынцов. Того лета шли на Пермь безвернии вогуличи,

Великую Пермь воевали, Питирима, идущее с Перми поймали и убили в месте, зовемый Кафедраил, на реке на Помосе.

1462 г. Лета 6970 поставлен бысть в епискупы Пермские земли владыка Иона.

Устюжская летопись. Список Мациевича // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. Л.: Наука, 1982.

С. 44. 1447 г. В лето 6955. Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка собра по всеи земли Московской епископы и честные игумены, и презвитеры, приехав на Углеч, и укрепи великого князя Василья Васильевича крестным целованием и заклинательными грамотами, и выпустя его ис поимания и з детми.

С. 45. 1455 г. Того же лета приходил князь вогульский ратью на Вычегду и владыку пермского Питирима убили.

Устюжская летопись. Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. Л.: Наука, 1982.

С. 88. 1450 г. В лето 6958. Генваря в 26 день князь великий Василей Васильевич ходил ратью на князя на Дмитрея Юрьевича на Шемяку. И бысть им бой на озере у Галича. И поможе Бог великому князю Василию Васильевичю, и Галич взял, а Шемяка князь Дмитрий утече к Новгороду Великому. Того же лета поиде князь Дмитрий Юрьевич Шемяка из Новагорода на Двину, а со Двины на Устюг ратью. И пришел на Устюг в насадах месяца июня в 29 день, на память святых апостол Петра и Павла. И устюжаня против его щита не держали., и князь Дмитрий Шемяка город Устюг засел, а земли // (Л. 89) не воивал, а людей добрых привел к целованию. А которые добрые люди не хотели изменить великому князю Василью, и они не целовали за Дмитрея, и он их казнил: Емельяна Лузсково, да Миню Жугулева, да Давыда Долгошеина, да Еуфимья Еживину, метал их в Сухону реку, вяжуще камень великое на шею им. Един же от них Еживина Еуфимей, на дне сидя, изрешись, и выплове вниз жив, и утече на Вятку. Того же лета князь Дмирей Шемяка поиде на Вологду и Вологду воивав, и на Устюг приде, и жил на Устюзе два годы не полны.

Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 12. М.: Наука, 1965.

С. 74. 1448 г. О поставлении на митрополью Русскую Иону владыку Рязанского. В лето 6957, месяца декабря 15, поставлен бысть на митрополью всея Руси епископы Русскими: Ефремом Ростовским, Авраамием Суздальским, Варламом Коломенским, Питиримом Пермским.

С. 109. В лето 6953. Убит священный епископ Питирим от безбожных гогулич.